

ДЕЦИЗИОНИЗМ В РОССИИ: ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАТОРЫ КАРЛА ШМИТТА. ЧАСТЬ II

Павел Игоревич Костокрызов,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
pkostogryzov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 16.09.2020, принята к публикации 28.06.2021

Для цитирования: Костокрызов П.И. Децизионизм в России: дореволюционные предшественники и современные интерпретаторы Карла Шмитта. Часть II // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 2. С. 36–48. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_36

Аннотация

Карл Шмитт известен как основоположник децизионизма – учения о политическом Решении, принимаемом сувереном в чрезвычайных обстоятельствах и имеющем конститутивный характер для политического и правового порядка в государстве. Автор статьи, применяя сравнительно-исторический метод, попытался найти в русской политико-правовой мысли начала XX в. концепции, которые могли бы претендовать на роль «протодецизионистских». Речь идет о работах представителей консервативного направления государственно-правовой мысли: Л. А. Тихомирова, Н. А. Захарова и П. Е. Казанского. Другим объектом исследования стали интерпретации децизионизма К. Шмитта в современном российском государствоведческом дискурсе. Показано, что русская наука начала XX в., развивавшая собственное учение о суверенной власти и ее Решении как конституирующем начале политического и правового порядка, пришла к выводам, во многом аналогичным шмиттовским, а в некоторых вопросах продвинулась даже дальше. Из проведенного сравнения сделан вывод, что попытка построить «политическую теологию» на чисто

© Костокрызов П.И., 2021

рациональных, претендующих на научность оснований привела К. Шмитта к обожествлению государства и тем самым к иррационализации науки. Напротив, русские консервативные мыслители никогда не забывали, что политический *онтос* отнюдь не предел бытия, и, будучи в нем последней инстанцией, суверен все же имеет над собой высшее начало. Эта, пусть и чисто идеальная подотчетность, составляет конечное основание суверенности. Именно соблюдение верного иерархического отношения между трансцендентным и имманентным, метафизическим и онтологическим, Божественным и человеческим помогло им удержаться от подмены Абсолютного относительным и избежать обожествления земной власти.

Ключевые слова:

децизионизм, Карл Шмитт, Л. А. Тихомиров, П. Е. Казанский, Н. А. Захаров, консерватизм, государствоведение, верховная власть, суверенитет, политическая теория, политический дискурс.

UDC 321.01

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_36

DECISIONISM IN RUSSIA: CARL SCHMITT'S PRE-REVOLUTIONARY PRECURSORS AND MODERN INTERPRETERS. PART II

Pavel I. Kostogryzov,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
pkostogryzov@yandex.ru

Article received on September 16, 2020, accepted on June 28, 2021

For citation: Kostogryzov, P.I. (2021). Decisionism in Russia: Carl Schmitt's Pre-Revolutionary Precursors and Modern Interpreters. Part II. *Scientific journal "Discourse-P"*, 18(2), 36–48. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_36

Abstract

Carl Schmitt is known as the founder of decisionism – the doctrine of the political Decision made by a sovereign in extreme circumstances and characterized by a constitutive meaning for the political and legal order of the state. Using the comparative historical method the author of the article tries to find in the Russian political and legal thought of the early 20th century concepts that could claim to be “proto-decisionist”. The ideas

of conservative legal thinkers as L.A. Tikhomirov, N.A. Zakharov and P.E. Kazansky are under discussion. Interpretations of C. Schmitt's decisionism in contemporary Russian political discourse are studied as well. It is shown that the Russian science of the early 20th century, which developed its own doctrine of sovereign power and its Decision as the constituting principle of the political and legal order, came to conclusions that were largely similar to those made by Schmitt and in some issues advanced even further. Based on the provided comparison it is deduced that an attempt to build "political theology" on purely rational, scientific grounds led C. Schmitt to deification of the state and thereby to irrationalization of the science. On the contrary, Russian conservative thinkers never forgot that the political *ontos* was by no means the limit of being, and the sovereign as its ultimate authority had still a higher principle over him. This albeit purely ideal accountability was the ultimate foundation of sovereignty. So, constant observance of the true hierarchical relationship between the transcendental and the immanent, the metaphysical and the ontological, the Divine and the human helped them to refrain from replacing the Absolute with the relative and to avoid deification of earthly power.

Keywords:

decisionism, Carl Schmitt, L.A. Tikhomirov, P.E. Kazansky, N.A. Zakharov, conservatism, state studies, supreme power, sovereignty, political theory, political discourse.

Одна из ключевых проблем децизионистской теории как раз и состоит в поиске объективного, для всех бесспорного, критерия, который позволил бы безошибочно отличать опасность, требующую от суверена конститутивного Решения, от «обычной» чрезвычайной ситуации, которая может быть урегулирована с помощью мер в рамках конституционных процедур.

К. Шмитт (2000) прекрасно осознавал принципиальную важность понятия исключительного случая для его теории. «Чрезвычайное положение имеет для юриспруденции значение, аналогичное значению чуда для теологии» (с. 57). Как чудо представляет собой непосредственное вмешательство Бога в естественный ход событий физического мира, преодолевающее законы природы, хотя и не отменяющее их, так и Решение есть непосредственное вмешательство суверена в события мира политического, находящееся в видимом противоречии с буквой юридического закона, но имеющее целью обеспечить саму возможность дальнейшего существования политического космоса с его юридическими нормами. Эта аналогия может быть распространена и на пределы применимости обоих явлений: как чудо Божье совершается крайне редко, когда действие естественных сил неминуемо ведет к катастрофе, для избежания которой необходимо оказывается вмешательство силы сверхъестественной, так не может быть частым и использование сувереном своей чрезвычайной учредительной власти, имеющей надзаконный характер (надзаконность можно рассматривать как аналог сверхъестественности в мире правовых явлений).

Для К. Шмитта (2000) было вполне очевидно, что подобное «политико-юридическое чудо» допустимо только как крайняя мера в обстоятельствах, настоящему исключительных, а не просто чрезвычайных: «Исключительный случай наступает лишь тогда, когда только должна быть создана ситуация,

в которой могут действовать формулы права» (с. 26). Вариантов таких обстоятельств, собственно, только два: создание государственности из политического «ничто», когда суверен выступает демиургом политико-правового универсума, творя первичный порядок из хаоса, и спасение государства от грозящей смертельной опасности, избавление от которой нормальным, конституционным путем не представляется возможным. Именно в этих (редчайших!) случаях суверен изрекает свое Решение, которое и становится основанием нового права. В этом суть децизионизма, а вовсе не в том, чтобы, как обвиняют Шмитта некоторые его критики, превратить чрезвычайное положение в постоянное, заменив нормальный правопорядок перманентным произволом суверенного диктатора.

Первый из названных вариантов с теоретической точки зрения тривиален: когда государство только предстоит создать, тот, кто смог утвердить свою власть, становится сувереном, и его Решение закладывает основание нового порядка. Затруднения возникают со вторым вариантом. Как безошибочно распознать ситуацию, в которой предоставленных законом средств оказывается недостаточно для предотвращения катастрофы, и лишь применение экстраординарной, надзаконной власти суверена может спасти государство? Однозначного критерия децизионизм предложить не смог. По-видимому, его и невозможно сформулировать, оставаясь в рамках чистой теории. Каждая конкретная историческая ситуация уникальна, и, только столкнувшись с ней лицом к лицу, политические акторы могут оценить применимость и достаточность имеющихся в их распоряжении средств; теоретические построения ученых именно в этом вопросе вряд ли способны им помочь. Шмитт (2000) мог лишь констатировать, что «Решение об исключении есть именно Решение в высшем смысле» (с. 15), т. е. имеет конститутивное значение.

Русские государствоведы начала XX в. также не выработали обобщающей теоретической модели исключительного случая, которая была бы непосредственно применима к политической практике. Однако само понимание того факта, что надзаконная власть носителя суверенитета принимать Решение учредительного характера для своего проявления требует чрезвычайных обстоятельств, было ими артикулировано с предельной ясностью.

Для объяснения фундаментального различия между ординарными и экстраординарными решениями суверена Л. А. Тихомиров использовал доктрину о самоограничении верховной власти, разработанную немецкими юристами XIX в., в особенности Г. Еллинеком. Согласно ей пределы действия суверена, обозначенные в конституции, представляют собой самоограничение, принятое им, чтобы не нарушать нормальный порядок государственных дел.

Это самоограничение, писал Л. А. Тихомиров (2008), «не уничтожает факта неограниченности Верховной власти, а только указывает те твердые пути, на которых совершается ее действие. Но если Верховная власть признает эти пути не соответствующими более ее Воле или, другими словами, условиям государственного блага, то она властна *сама* отменить эти «самоограничения» и установить вместо них новые или совсем не устанавливать никаких» (с. 481–482). Как видим, русский мыслитель сформулировал здесь ту же идею, которую позже выразит Шмитт, разве что не используя термины «исключительный случай» и «Решение».

Вполне в децизионистском духе характеризовал самодержавную власть русского императора другой отечественный ученый – юрист Н. А. Захаров (2002): это «власть, к которой прибегают в последние, крайние моменты... в затруднительные, исключительные моменты истории, когда нормы права бессильны пред потоком жизненных явлений, и нужно считаться с тем, что в государстве есть такая простая, несложная, единовольная власть, которая может одним твердым своим решением поднять государство... Только единой самодержавной власти принадлежит полнота власти в затруднительные моменты жизни страны» (с. 326–327). Не сомневаемся, что под этими словами охотно подписался бы и К. Шмитт.

П. Е. Казанский (1999) описывал императорскую власть как «крайнюю, чрезвычайную, последнюю». Именно ей, по словам ученого, принадлежит «право крайних решений», т. е. решений в минуту особой опасности, которой подвергается государство (с. 226–228). И здесь также бросается в глаза полное совпадение хода мысли русского юриста с децизионистской логикой Шмитта. Что у Казанского «крайнее Решение» означает то же, что шмиттовское «Решение в высшем смысле», а обстоятельства, в которых оно принимается, идентичны шмиттовскому «исключительному случаю», очевидно из того, как автор поясняет значение данных терминов, цитируя при этом еще одного своего единомышленника – знаменитого адвоката и депутата Государственной думы Ф. Н. Плевако: «бывают минуты... когда государства... стоят перед вопросом гибели и не имеют в условиях нормальной жизни средств спасения... Когда государство в опасности, спасение государства есть верховный закон... В такие минуты правители не подлежат суду человеческому; суд истории и суд Божий – вот трибуналы, перед которыми они отвечают в своих делах» (с. 228–229).

Важно иметь в виду, что децизионистские построения русских консерваторов не были отвлеченной теорией, а вырабатывались в непосредственной связи с государственно-правовой практикой и политической борьбой начала XX в. Как уже отмечалось, толчок к активизации доктринальных поисков отечественных правых мыслителей дали преобразования государственного строя Российской империи 1905–1907 гг. Ключевые законодательные акты, обозначившие начало и завершение процесса реформирования, – Высочайшие Манифесты от 17 октября 1905 г. и 3 июня 1907 г. – представляли собой очевидные примеры Решений суверена, принятых для спасения государства в исключительной ситуации. Особую важность имел второй из этих актов, вызвавший острую полемику между консерваторами и конституционалистами, в которой оппоненты развернуто аргументировали свои позиции.

Если конституционалисты восприняли третьеиюньский Манифест как государственный переворот, т. к. он был издан вне предусмотренного Основными Законами ординарного порядка законодательства, то консерваторы увидели в нем именно суверенное Решение императора, принятое в условиях исключительного случая.

Особого внимания заслуживает тот факт, что сама верховная власть Российской империи в Манифесте от 3 июня 1907 г. заявила о себе вполне по децизионистски: «Только Власть, даровавшей первый избирательный закон, исторической Власти Русского Царя, довлеет право отменить оный и заменить его новым. От Господа Бога вручена Нам Власть Царская над народом Нашим.

Перед Престолом Его Мы дадим ответ за судьбы Державы Российской»¹. А председатель Совета министров П. А. Столыпин, обосновывая правомерность Манифеста, прямо апеллировал к «праву Государя спасти в минуты опасности вверенную ему державу»². Это еще раз подтверждает то, о чем говорилось выше: децизионистское понимание суверенитета российской власти было аксиомой не только для консервативных теоретиков, но и для нее самой.

Итак, ни К. Шмитт, ни его русские предшественники не смогли предложить четких критериев, позволяющих однозначным и для всех убедительным образом определять наступление того исключительного случая, когда суверен должен принять Решение «отменить самоограничения и установить вместо них новые», переучреждая тем самым политико-правовой порядок в государстве. Разумеется, это самое уязвимое место децизионистской теории не ускользнуло от внимания ее критиков.

Основной вопрос децизионизма решается на самом глубинном уровне, какой только может существовать в рамках социального онтоса – в сознании отдельного гражданина как юридически, политически и нравственно вменяемого субъекта. Если суверену принадлежит право и обязанность политического Решения, то гражданину – право и обязанность (здесь как нельзя более уместен введенный русским юристом Н. Н. Алексеевым термин «правообязанность») принять это Решение как политически и нравственно обоснованное и подчиниться ему, проявив лояльность реконституированному правопорядку, или отвергнуть его как этот порядок ниспровергающее. К. Шмитт этой проблемы вовсе не видит или обходит ее молчанием, на что указывают его критики.

Э.Б. Кошечев (2016) справедливо замечает, что шмиттовский суверен, заменивший собой Провидение, «не оставляет [гражданину] места для поиска, для сомнений, для вопрошания» (с. 223), тем самым лишая его не только политической, но и нравственной субъектности, заставляя принимать свое Решение как не подлежащий критическому суждению императив. Однако сделанный из этого вывод, что «шмиттовский суверен и есть политическое зло, и в то же время злом является сама концепция децизионизма, поскольку именно она оправдывает превращение критического суждения из требования для всех в привилегию для избранных» (с. 223), представляется нам уже не столь обоснованным. Необходимо принимать во внимание, что Решением (в децизионистском, шмиттовском смысле) является не всякий приказ суверена, издаваемый им по произвольному поводу, а лишь приказ, который существенным образом переучреждает политико-правовой порядок. Такое Решение принимается только в исключительном случае, и уже поэтому не может быть частым, а тем более постоянным явлением. В нормальных же условиях действует обычный правопорядок, который вовсе не требует от гражданина «отключения» критического мышления и бездумного исполнения любых приказов. Кроме того, при таком нормальном течении жизни гражданин имеет дело с властными велениями, ис-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (Т. XXVII) (1910). СПб.: Государственная типография. С. 320.

² Столыпин, П.А. (1991). *Нам нужна великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете, 1906–1911.* М.: Молодая гвардия. С. 103.

ходящими не непосредственно от суверена, а от ординарных органов власти, по определению не имеющими того ультимативного характера, который присущ суверенному Решению, а потому подлежащими соразмерению с действующим правом и критической оценке с позиций последнего. Шмитт не был бы юристом, если бы утверждал иное. Все-таки его теория имела целью не подменить право произволом, а выявить его доправовое основание, которое децизионизм полагает в Решении.

Отсылка Э.Б. Кощеева (2016) к идеям Х. Арндт о «банальности зла» (с. 222–223) не добавляет ничего к критике Шмитта, т.к. «банальное зло» потому и банально, что совершается в обычных, а не чрезвычайных обстоятельствах. Нацистские преступники, размышления над мотивами которых привели Арндт к этой концепции, действовали в рутинном режиме во исполнение рядовых приказов «начальства», которые у них не было никакого основания рассматривать как Решения суверена, имеющие «учредительный характер», а потому они не имели и оснований отказываться от собственного критического суждения относительно правового и нравственного значения этих приказов.

Если вынести за скобки несколько поспешный, на наш взгляд, вывод, что «сама концепция децизионизма является злом», то критика Э.Б. Кощеева помогает нащупать коренной недостаток шмиттовского децизионизма. К. Шмитт отказывает человеческой личности в субъектности перед лицом суверена-демиурга, не рассматривая даже теоретическую возможность не подчиниться его Решению. При этом Решение остается предельным понятием его концепции, выше которого уже ничего нет, а следовательно, нет ни критерия, по которому его можно было бы оценить как приемлемое или неприемлемое, ни того субъекта, который был бы полномочен давать такую оценку. Следует ли рассматривать этот недостаток как критический, дающий основание отвергнуть децизионизм в целом как инструмент познания социальной реальности? Разумеется, нет.

Это означает лишь, что в данном пункте теория достигает своих границ применимости и дальнейшее исследование должно вестись иными эпистемологическими средствами. Вообще, необходимым элементом любой научной теории является ясное видение гносеологического «горизонта», за которым она перестает быть релевантной. Слабость подхода К. Шмитта состоит в том, что он стремился построить свою теорию как логически полную, дающую окончательные ответы на все вопросы, относящиеся к области политики и права. Неустраняемая особенность таких замкнутых систем – наличие внутренних противоречий или саморекурсии.

Пытаясь преодолеть тавтологичность юридического позитивизма (а нормативизм Г. Кельзена, с которым полемизировал Шмитт, – интеллектуально изолированная версия все того же позитивизма), шмиттовский децизионизм приходит к такой же тавтологии, лишь перенося ее из юридической сферы в политическую. Если позитивистская мысль циркулирует между утверждениями «государство является правовым, поскольку оно подчиняется праву» и «право есть то, что установлено государством», то у К. Шмитта право есть то, что соответствует порядку, учреждаемому сувереном, который принимает абсолютное Решение в исключительном случае; а какой случай считать исключительным, определяет сам суверен, и не существует никакого внеположного по отношению к нему критерия, который позволял бы оценивать его правоту.

Последовательно проведенный децизионизм шмиттовского типа чреват, таким образом, оправданием тоталитарного или просто тиранического режима. Если «всякий порядок – это правовой порядок, а всякое государство – это правовое государство» (Шмитт, 2000, с. 133), то подданные не могут не признавать правом того, что установил своим Решением суверен. Но таким образом под видом права может быть установлено вообще что угодно (и примеры тому дает в изобилии трагическая история XX столетия). По справедливому замечанию А. Ф. Филиппова (2015), «Шмитт... попадает в ловушку признания правом того, что производится даже тоталитарным государством» (с. 64).

Таким образом, у Шмитта объективный, содержательный, а не формальный критерий различения права и неправа теряется в глубинах доправового (читай: политического). Чтобы такой конкретный, зримый критерий был возможен, должен существовать некий высший принцип, безусловный авторитет которого признавался бы и сувереном, и подданными. Только такой принцип способен сдерживать суверена, неограниченного юридически (а по Шмитту еще и политически). Сам этот принцип не может быть ни юридическим, ни политическим; он должен стоять над социальным универсумом, принадлежать к более высокому уровню бытия. К. Шмитт такого критерия не находит. У него в конечном счете все решает материальная сила – кто смог реализовать свое Решение, навязав его гражданскому коллективу, тот и есть истинный суверен, а следовательно, тот и прав.

Пожалуй, наиболее шокирующая особенность подхода К. Шмитта состоит в том, что назвав свой труд «Политической теологией», он в то же время исключает из своего дискурса саму возможность ведения речи не только о собственно божественном начале, но вообще о всяком, превышающем уровень эмпирически наличествующего социального бытия. Роль божества, теоса в моделируемом им политическом космосе Шмитт отводит суверену – субъекту, пусть и возвышающемуся над любым другим в этом мире, но все же принципиально имманентному ему, лишая тем самым политический универсум трансцендентного начала. «Теология» таким образом оказывается у немецкого мыслителя просто приемом – если не риторическим, призванным очаровать читателя грандиозностью авторского замысла, то методологическим, позволяющим привнести в политическую науку присущую богословию неоспоримость догматов.

Такой имманентизм (т. е. априорное исключение трансцендентного из рассмотрения) позволяет квалифицировать политическую теологию К. Шмитта как *языческую*, т. к. она в конечном итоге приводит (вне зависимости от того, ставил ли ее автор себе такую цель) к обожествлению посюстороннего, тварного феномена, каким является государство. Она вполне сгодилась бы на роль официальной идеологии Древнего Египта или Ассирии, где суверен, будучи имманентен миру физических и социальных феноменов, одновременно признавался божеством. Как ни удивителен этот вывод, учитывая католические корни философии К. Шмитта, но с точки зрения *христианской теологии* автор «Политической теологии» преступил заповедь «не сотвори себе кумира». Христианский философ и публицист В. А. Сендеров (2014) был единственным из российских исследователей, кто отметил эту фундаментальную особенность учения К. Шмитта (с. 170).

Это наблюдение дает основания поставить под сомнение безоговорочное отнесение К. Шмитта к консервативному направлению политической мысли, что стало почти неоспариваемой догмой. И. А. Ерохов (2019) в недавней публикации обратил внимание на наличие в политической философии Шмитта леворадикального компонента. Объявив войну либерализму (а «война», напомним, – одно из ключевых понятий учения Шмитта), немецкий мыслитель взял в союзники не Бога и Традицию (что не позволяет назвать его антилиберальный поход «крестовым»), а безличные социальные силы – государство с его «объективными» интересами и столь же «объективного» суверена. В результате его идейно-политические построения, в которых И. А. Ерохов распознает «стратегический тренд будущего» на «парадоксальный синтез правой и левой революционности» (с. 45), явным образом противостоя либерализму, оказываются в то же время подрывными и по отношению к консерватизму. Дело в том, что лишаясь метафизического, да и скажем без обиняков, религиозного измерения, консерватизм теряет свой «стержень» и превращается в собственную противоположность, даже если сохраняет при этом традиционалистскую политическую «упаковку». В этом, на наш взгляд, состоит шестой урок К. Шмитта для России³. Интересно отметить, что единственным примером применения децизионизма шмиттовского «извода» в практике государственного строительства была франкистская Испания – католическое государство, где криптоязыческие черты теории подверглись существенным коррективам со стороны государственной религии (Алексеева, 2018).

Русские правые мыслители начала XX в. смогли избежать этой ошибки. Их децизионизм, в отличие от шмиттовского, *не теологичен, но теократичен*. Суверен у них не разрастается до масштабов метафизического субъекта, творящего политико-правовой универсум из ничего, а занимает пусть и высшее в этом универсуме, но все же подчиненное по отношению к трансцендентному началу место. Наши консерваторы не боялись прямо указывать на религиозно-нравственный характер этого начала. «В монархии самодержавной есть обязательные нравственные начала, которые ограничивают юридическое верховенство вообще», – писал Л. А. Тихомиров (1992, с. 330). «Выше власти Монарха – власть Бога, Монарх... отвечает перед судом Божиим. Таким образом, для Верховной Власти обязательны и предписания христианской нравственности», – утверждал П. Е. Казанский (1999, с. 371).

Решение суверена, сохраняя свою абсолютность в политико-правовом смысле, подлежит проверке на соответствие идеалу, которому призвано служить государство. «Царская Верховная власть есть верховенство нравственного идеала в государственной жизни... Царская власть не произвольная, она ограничена содержанием идеала, она обязана представлять идеал, действовать сообразно его содержанию. Но оставаясь подчиненной идеалу, она действует властно для его поддержания и осуществления» (Тихомиров, 1992, с. 319) При этом политическая субъектность подданных не «приостанавливается» в момент Решения, как у Шмитта, а сохраняется, проявляясь в том, что они признают или отвергают Решение в зависимости от его соответствия нравственному идеалу.

³ А. Г. Дугин выделил пять уроков, которые Россия может извлечь из учения Шмитта (Дугин, 1994).

Критерием для оценки является совесть, присущая только человеческой личности. Личностями являются не только подданные, но и сам суверен (напомним, что у русских консерваторов, в отличие от Шмитта, речь идет только о монархическом суверенитете), поэтому принятие Решения подчинено тому же критерию. Поскольку нравственно-религиозный идеал у суверена и подданных общий, их оценки должны совпасть. В этом Л. А. Тихомиров (1992) видел одно из преимуществ монархии: к «наилучшему постоянному выражению» нравственного идеала «способнее всего отдельная личность как существо нравственно разумное, и эта личность должна лишь быть поставлена в полную независимость от всяких внешних влияний, способных нарушить равновесие ее суждения с чисто идеальной точки зрения» (с. 69).

Таким образом, децизионизм русских консерваторов начала XX в. имеет «встроенный предохранитель» от тоталитаризма в виде религиозно-нравственного идеала, трансцендентного по отношению как к суверену, так и к подданному, не позволяющий последнему превратиться в бездумный винтик политической машины, заставляя главный нравственный камертон – индивидуальную человеческую совесть – бодрствовать. Будучи внеположен политической реальности, этот идеал не может быть познан средствами политической науки, но должен учитываться ею как действительный факт и действующий фактор.

Из верховенства религиозного принципа следует и еще один критерий, который должен учитывать суверен, – естественно-правовой. «Признавая источником Верховной власти божественную делегацию, мы неизбежно признаем обязательным уважение к тем обязанностям, которые возложены на человека Божественной Волей. Но эти обязанности дают личности право на все, необходимое для исполнения их. Такое право личности для Верховной власти, основанной на делегации Бога, не подлежит никакому посягательству. Оно является «естественным» правом личности, правом, обусловленным не каким-нибудь юридическим законом, но природой связи человека с Богом» (Тихомиров, 1992, с. 423–424).

Заключение

Из проведенного сравнения можно сделать вывод, что попытка построить «политическую теологию» на чисто рациональных, претендующих на научность основаниях, т. е. как *безбожную* теологию (*детеизация* теологии), привела К. Шмитта к практически языческому обожествлению государства и, тем самым, к иррационализации науки, поскольку иррациональный элемент вплетен в саму ткань его теории. Иррациональным оказывается сам ее предмет, т. к. главный объект исследования Шмитта – суверен – наделяется им божественными чертами. Поскольку одно из свойств Божества – непознаваемость рациональными методами, наука на этом заканчивается, и начинается идеология.

Напротив, русские консервативные мыслители никогда не забывали, что политический онтологический предел бытия, и, будучи в нем последней инстанцией, суверен все же имеет над собой высшее начало, коему «отчет дать должен». Именно эта, пусть и чисто идеальная, ни юридически, ни политически не институционализированная подотчетность и составляет конечное основание суверенности. Поэтому никто из них не дерзнул назвать свое учение «поли-

тической теологией», удовлетвовавшись скромным статусом политической или государственно-правовой теории. Именно это постоянное соблюдение верного иерархического отношения между трансцендентным и имманентным, метафизическим и онтологическим, Божественным и человеческим помогло им удержаться от подмены Абсолютного относительным и избежать обожествления земной власти.

Построение политико-правовой теории с памятованием о Боге как о реально существующем начале, но без внесения «теологических» элементов в саму эту теорию, позволило русским мыслителям начала XX в. остаться на твердой почве научной рациональности и создать релевантный инструментарий для изучения феномена конститутивного Решения. В их теориях иррациональное не присутствует непосредственно, хотя его существование постоянно учитывается. Но это существование остается в области религиозно-нравственной, внешней по отношению к объекту политической науки. Наука и метафизика, таким образом, четко разграничиваются.

Тем современным ученым, для кого децизионизм – не только факт истории политико-правовых учений, но и методологическая рамка, применяемая к актуальной политике, можно порекомендовать не ограничивать свой исследовательский горизонт теорией К. Шмитта, но обратить внимание и на труды отечественных государствоведов, чьи достижения в этой области не только превосхитили, но в некоторых аспектах и превосшли мысль немецкого философа, что мы и попытались показать.

Сильная сторона шмиттовского децизионизма заключается в лучшей, чем у его русских предшественников, разработанности категориального аппарата. Но «голый» децизионизм К. Шмитта в современном российском обществе – не просто безрелигиозном, а вовсе лишенном какой-либо идейной цельности – опасен тем, что легко может быть использован для идеологического обоснования тоталитарных и диктаториальных поползновений правящих групп. Поэтому он применим лишь с учетом коррективов, которые позволяет внести идейное наследие отечественных правых государствоведов начала XX в. Вместе с тем и «теократическая» парадигма, в которой мыслили русские консерваторы, напрямую неприменима по той же причине. Необходим новый синтез идей с акцентом на нравственный и естественно-правовой компоненты их учения.

Список литературы

1. Алексеева, Т. А. (2018). Глава франкистского государства: от «суверенного» диктатора к «институционализированному» правителю. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*, 22(4), 481–505. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2018-22-4-481-505>
2. Дугин, А. Г. (1994). Карл Шмитт: пять уроков для России. В *Консервативная революция* (с. 54–67). М.: Арктогея.
3. Ерохов, И. А. (2019). Идеологическая теология Карла Шмитта. *История и современность*, 3(33), 24–48. <https://doi.org/10.30884/iis/2019.03.02>
4. Захаров, Н. А. (2002). *Система русской государственной власти*. М.: Москва.

5. Исаев, И. А. (2007). Государство-Левиафан. Карл Шмитт о теории власти Томаса Гоббса. *Lex Russica (Русский закон)*, 66(2), 193–212.
6. Казанский, П. Е. (1999). *Власть Всероссийского Императора*. М.: Москва.
7. Кощеев, Э. Б. (2016). «Банальное зло» децизионизма. *Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход*, 1, 219–224.
8. Сендеров, В. А. (2014). Тоталитарное мышление в России и Карл Шмитт. *Вопросы философии*, (8), 167–175.
9. Тихомиров, Л. А. (1992). *Монархическая государственность*. СПб.: РИСО.
10. Тихомиров, Л. А. (2008). *Руководящие идеи русской жизни*. М.: Институт русской цивилизации.
11. Филиппов, А. Ф. (2015). Ханна Арендт и Карл Шмитт: два понятия политического. В А. Н. Саликов и И. О. Дементьев (Ред.), *Современное значение идей Ханны Арендт: Материалы международной конференции (4 декабря 2014 г., Калининград)* (с. 52–65). Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта.
12. Шмитт, К. (2000). *Политическая теология*. М.: КАНОН-пресс-Ц.
13. Шмитт, К. (2005). *Диктатура*. СПб.: Наука.

References

1. Alexeeva, T. A. (2018). Glava frankistskogo gosudarstva: ot «suverenno» diktatora k «institutsionalizirovannomu» pravitel'iu [Head of Franco state: From the “sovereign” dictator to the “institutionalized” ruler]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 22(4), 481–505. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2018-22-4-481-505>
2. Dugin, A. G. (1994). Karl Shmitt: piat' urokov dlia Rossii [Carl Schmitt's 5 lessons for Russia]. In *Konservativnaia revoliutsiia* (pp. 54–67). Moscow: Arktogeia.
3. Erokhov, I. A. (2019). Ideologicheskaiia teologiiia Karla Shmitta [Carl Schmitt's ideological theology]. *Istoriia i sovremennost'*, 3(33), 24–48. <https://doi.org/10.30884/iis/2019.03.02>
4. Filippov, A. F. (2015). Xanna Arendt i Karl Shmitt: dva ponyatiya politicheskogo [Hannah Arendt and Carl Schmitt: Two concepts of the political]. In A. N. Salikov & I. O. Dementiev (Eds.), *Sovremennoe znachenie idej Xanny Arendt: Materialy mezhdunarodnoj konferencii (4 dekabrya 2014 g., Kaliningrad)* (pp. 52–65). Kaliningrad: Baltijskij federal'nyj universitet imeni Immanuila Kanta.
5. Isaev, I. A. (2007). Gosudarstvo-Leviafan. Karl Shmitt o teorii vlasti Tomasa Gobbsa [The Leviathan State. Carl Schmitt on Thomas Hobbes' theory of power]. *Lex Russica (Russkii zakon)*, 66(2), 193–212.
6. Kazansky, P. E. (1999). *Vlast' Vserossiiskogo Imperatora* [The power of the All-Russian emperor]. Moscow: Moskva.
7. Koshcheev, E. B. (2016). «Banal'noe zlo» detsizionizma [“Banal evil” of decisionism]. *Formirovanie gumanitarnoi sredy v vuze: innovatsionnye obrazovatel'nye tekhnologii. Kompetentnostnyi podkhod*, 1, 219–224.

8. Schmitt, C. (2000). *Politicheskaia teologiya* [Political theology]. Moscow: KANON-press-C.
9. Schmitt, C. (2005). *Diktatura* [Dictatorship]. Saint Petersburg: Nauka.
10. Senderov, V.A. (2014). Totalitarnoe myshlenie v Rossii i Karl Schmitt [Totalitarian thinking in Russia and Carl Schmitt]. *Voprosy filosofii*, (8), 167–175.
11. Tikhomirov, L. A. (1992). *Monarkhicheskaia gosudarstvennost'* [On monarchist statehood]. Saint Petersburg: RISO.
12. Tikhomirov, L.A. (2008). *Rukovodiashchie idei russkoi zhizni* [Guiding ideas of Russian life]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii.
13. Zakharov, N.A. (2002). *Sistema russkoi gosudarstvennoi vlasti* [The system of Russian state power]. Moscow: Moskva.

Информация об авторе

Павел Игоревич Костогрызov, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9345-3900>, e-mail: pkostogryzov@yandex.ru

Information about the author

Pavel Igorevich Kostogryzov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9345-3900>, e-mail: pkostogryzov@yandex.ru.